

Мстислав Ростропович:

Даже если бы меня дома посадили в тюрьму, я все равно продолжал бы любить Россию

Юрий КОВАЛЕНКО,
«Известия»

Грандиозные чествования Мстислава Ростроповича по случаю его 70-летия в разных странах мира начались задолго до календарной даты с вручения юбилейных орденов и других высших знаков отличия, которых у него уже свыше 120. Издательство EMI выпустило антологию из 13 компакт-дисков записей его концертов с 1950 года по наши дни, озаглавленную «Виолончель столетия».

Торжества достигнут апогея 27 марта. В день его рождения в Париже собираются испанская королева София, британский принц Чарльз, нидерландская королева, герцог Люксембургский вместе с главами едва ли не всех правящих европейских династий.

Мировая политическая элита будет представлена на празднике Жаком Шираком, который выступает одним из его организаторов, и другими сильными мира сего, включая Юрия Лужкова и Гейдара Алиева — земляка Ростроповича. Правда, некоторые представители российской верхушки, включая Немцова и Чубайса, скорее всего, не смогут прилететь из-за всероссийской стачки.

На берега Сены «в гости к Славе» съехались со всего света его друзья: знаменитые композиторы, музыканты, певцы, прославленные актеры, режиссеры, писатели, художники и журналисты.

Парижский саммит открывает концерт в театре «Шанз-Элизе», на котором Лондонский и Парижский симфонические оркестры под руководством Озавы, Менухина, Бычкова с солистами Стерном, Спиваковым, Крамером, Башметом, Венгеровым и другими звездами сыграют посвященные Мстиславу Леопольдовичу произведения Шостаковича, Бриттена, Бернштейна, Ландовски, Щедрина (а их в общей сложности написано более 200), равно как и те, которые так или иначе связаны с творчеством великого виолончелиста.

Трогательной семейной нотой станет исполнение детским хором с участием трех внуков и внучки Ростроповича музыкального произведения «Молитва», написанного его дочерью Еленой. Ну а после художественной части президент Ширак устраивает в Елисейском дворце ужин в честь Ростроповича.

— Почему вы отмечаете свое 70-летие в Париже, а не в Москве или в Петербурге?

— Во-первых, три года назад я дал слово отмечать юбилей в Париже. Во-вторых, дома мне никто не предложил это сделать. Я решил отпраздновать его здесь, а на следующий день должен был вместе с Лон-

донским симфоническим оркестром и дирижером Сейджи Озавы приехать в Россию и дать там два концерта — 29 и 30 марта. Я мог дать эти концерты только с Лондонским оркестром, поскольку для репетиций с другим у меня не было времени. Зная российские материальные трудности, я просил собрать средства за границей на оркестр. Что и было сделано — 200 тысяч фунтов должно было хватить на его оплату, учитывая, что Озава и я отказались от гонорара. Казалось, все устраивается нормально, поскольку наша сторона должна была обеспечить концертные залы, проживание оркестра и дорогу. Когда я приехал в Петербург на фестиваль Шостаковича и имел разговор с организаторами моих выступлений, то они сказали: «Дела идут очень хорошо... Правда, довольно дорого получается, но ничего, это все будет покрыто». Я спрашиваю: «Сколько же получается?». Мне отвечают: «Миллион 280 тысяч американских долларов». Я тогда заинтересовался, откуда деньги. Мне разъяснили, что дает Министерство культуры, дает и госбюджет. Я, ничего не говоря организаторам, все отменил. Попадись я на эту удочку — а я мог бы на нее попасться, не зная, что министерство доплачивает такую огромную сумму, — то на улицу бы не вышел, мне было бы стыдно показаться на людях. Но когда все отменил, мне позвонили сразу несколько банкиров и предложили — мы, мол, сложимся, приезжай. Но уже поздно.

— А у вас нет чувства обиды, что Отечество по отношению к вам снова, мягко говоря, оказалось не на высоте?

— Если уж меня выгоняли, а я продолжал безумно любить свою Родину, то нет ничего, что меня бы от нее отвернуло. Меня могут дома посадить в тюрьму, я и это переживу и буду продолжать любить Россию.

Потеряв родину, думаешь, что навсегда, что это самый низ и что этого не переживешь. Но когда вновь обретаешь свое Отечество, оно становится еще дороже. Конечно, ни Галя, ни я никогда не могли предположить, что мы еще при жизни сможем вернуться обратно!

— Одна из русских зарубежных организаций «Инициативы 1-й мировой войны», которой вы помогали, трогательно благодарила вас за «жертвенную отзывчивость». Да и не только она. С чем связано ваше стремление помочь ближнему, несчастному и неимущему?

— В молодые годы оно основывалось на каком-то религиозном чувстве, которое сейчас превратилось в настоящую глубокую веру. Если бы я этого не делал, то никогда, даже имея все, не мог бы стать счастливым.

— Вместе с тем к вам очень тянутся и великие мира сего — президенты, короли, принцы. Чем вы это объясняете?

— Гете сказал гениальную фразу: «Все мы под платьями ходим голыми». Все это наши платья. У королей — их королевские платья. Мое платье — я им очень доволен — хорошего музыканта. Но при этом мы все одинаковые люди, которые делятся на хороших и плохих. И меня иногда даже подозревают в любви к королевским семьям. Это происходит из-за того, что я знаю этих людей давным-давно, «по-человечески». Мною руководит не стремление к дружбе с титулами, с королями или с занимаемыми позициями. Когда говорят «король», сразу думаешь о сказках Андерсена или о балетах Чайковского. Но это не так. Им повезло, что они стали королями или президентами, а нам — что мы с ними познакомились, когда они ими еще не были. И с тех пор в наших отношениях ничего не изменилось. Мы как были на «ты», так и остались.

Ну а с Шираком я знаком еще с 1974 года, когда с Галиной мы только приехали во Францию. И я его очень люблю и надеюсь, он мне отвечает тем же.

— Почему виолончель считают инструментом великой нравственной силы?

— Потому что ее регистр — это регистр человеческого голоса. Несмотря на всю красоту скрипки, ее тессitura начинается с верхнего регистра, где-то в районе сопрано. Виолончель же начинается с баса — потом идет тенор, потом сопрано, то есть в ней присутствует вся гамма человеческого голоса. Порой я чувствую, что внутри звука заложены слова. И чем дольше живу, тем больше ощущаю мистику самого звука. Это мистическое явление, которое связывает и мир, который мы еще не знаем, и мир, в котором мы живем.

— «И долго буду тем любезен я народу...» Чем бы хотел быть «любезен» Ростропович, чтобы, кроме музыки, остаться в его памяти?

— Тем, что я стараюсь для него сделать. К сожалению, не все мои почину хорошо подхвачены. Например, я дал два концерта в Санкт-Петербурге для строительства дома — сейчас он почти готов. В нем поселят наших военнослужащих, которые оказались в Прибалтике в ужасном состоянии. Я, правда, пока не знаю, как и кем он будет заселен, меня об этом не спросили... А пришло мне это в голову, когда я был там, в Прибалтике, с Национальным Вашингтонским оркестром. Ко мне пришел бывший старый солдат, может, и офицер, с орденскими планками. И когда я посмотрел ему в глаза, то вспомнил,

как 9 мая 1945 года — я был еще студентом Консерватории — все высыпали на улицы, ловили военных и качали их на руках. И я со всем энтузиазмом пытался дотянуться до их священного зада... Когда же ко мне пришел этот солдат, я подумал, что мы, наверное, тогда его носили по улицам. А сейчас я живу припеваючи, а они, которые спасли нам жизнь, находятся в собачьих условиях.

Далее, два года назад, в день смерти Пушкина, я дал концерт в Петербургской филармонии в пользу Пушкинского дома. Потому что эти концерты, оказывается, проходили до 1908 года по повелению императора. Пушкинский дом — не квартира на Мойке, а архив поэта, где также хранятся рукописи Толстого и Достоевского. И я дал концерт для возобновления этой традиции, надеясь, что это дело подхватят. И опять не подхватили.

— Что бы вы хотели пожелать себе в день 70-летия?

— Чтобы хуже не было!

— А россиянам? Знаете ли вы, что 27 марта — день стачки?

— Знаю. У меня так болит за них сердце... Я не желаю несбывшихся вещей, потому что не хочу быть болтуном. Я хочу, чтобы 27-е число прошло благополучно. Это не значит, что люди не должны показать своего отношения к тому, что им не платят. Это безобразие, равного которому нет нигде в мире. Но в то же время, надеюсь, что терпение будет вознаграждено, иначе быть не может. Надо выявить тех, кто несет ответственность. Жертв много, они известны, а кто виноват — найти никак не могут.

— Юбилей пройдет, праздник закончится. А что дальше?

— 1 апреля в Бостоне репетирую два новых произведения для виолончели, написанные двумя замечательными американскими композиторами Бернхардом Рансом и Аугустой Томас. 16 апреля у меня концерт в Варшаве — мой отец имел польские корни, и у меня даже имеется родословная нашего дворянства высокой гильдии, которая исходит из Варшавской губернии. 2 мая выступаю в Баку — побываю в доме, где родился. 5 мая концерт в Монако, посвященный 15-летию со дня смерти принцессы Грейс. А на следующий день начинается музыкальный фестиваль в Эвиане, которым я много лет руковожу. Потом в Париже 6-й Международный конкурс виолончелистов, носящий мое имя. В Германии пройдет посвященный мне фестиваль. Наконец жду концерта моей подруги Софии Губайдуллиной, премьеры которого должна состояться опять-таки в Париже.

ПАРИЖ.